

Соб. Дейоний 2. Шаллин 2 март 1975

Н АЧАЛО было так далеко, так робок первый интерес»...

Начало было в Таллине, в 19-й средней школе, в зале, полном ропота и шума после трехчасового собрания. Поднялась на сцену невысокая, в форменном платье, худенькая и сероглазая. Прочла стихи. И неожиданно властно, ломая робость и неопытность, врассло захватила зал и не отпускала до конца. Наташа Сайко.

Начало было в Ленинграде, где в антракте между двумя действиями спектакля в полутьме зала Наташа прочла коротенькое стихотворение Л. Мартынова. И мы, драмкружковцы 19-й школы, замерли от неожиданности, когда за кулисы к нам вошла известная актриса и сказала: «Я хочу познакомиться с девочкой, читавшей в антракте стихи».

И вот спустя несколько лет. «Шум затих, я вышел на подмостки». Это стихотворение Б. Пастернака звучит прелюдией к «Гамлету» на сцене Московского театра драмы и комедии на Таганке.

— Затихает шум. И все окружающее, все чувства перехлестывает нестерпимое волнение. Есть ли мне, не Офелии, а Наташе Сайко, что сказать зрителю? Этот вопрос и вчера и сегодня, каждый день задаю себе. Без ответа на него не представляю себе актерской игры.

Наташа — Офелия идет к нам издалека. Из давно минувших времен. Наткаясь на препоны обычаев и устоев, косности и лжи, послушно останавливается. И вдруг в безумии своем раскрепощается полностью, с ненавистью и бессилием стегает занавес, бьется о него.

Занавес — судьба, история, века, нас разделяющие...

Герои спектакля в театре на Таганке приходят к осознанию невозможности, нестерпимости жизни в средневековом Дат-

ском королевстве. Первое действие спектакля заканчивается словами Гамлета: «Покайтесь в прошлом, стерегитесь впредь», обращенными к Гертруде. И второе действие вновь начинают эти же слова. В них заложена одна из главных мыслей спектакля.

В последней сцене перед своей гибелью Офелия раздает цветы и говорит Клавдию: «Вам, чтобы думать» и Гертруде: «Вам, чтобы видеть».

Прозреть, понять и оценить свои деяния, стать иным. Во имя будущего, во имя нас с вами.

— Я не верю, — говорит Наташа, — что Офелия сходит с ума, она просто начинает все понимать. Она бунтует против лжи и косности, но слишком малы ее силы, чтобы бороться, и потому она убивает ненавистную жизнь — бросается в реку.

Во имя будущего! Во имя будущего гибнут пять девчонок в инсценировке повести Васильева «А зори здесь тихие». Наташа играет Сою Гурвич.

В ночном холоде пять девочек со старшиной ждут в засаде гитлеровцев и Наташа — Со-ня читает вслух самой себе стихи. Читает, вспоминая мальчика, с которым вместе занималась в библиотеке, бегала в театр, мальчика, подарившего ей на прощание томик Блока и ушедшего на фронт.

И я, в зале, неожиданно вспоминаю Блоковский вечер в школе, где около десяти лет назад Наташа читала те же стихи. Видимо, даже наверняка, она читала их тогда иначе, воспринимала легче, строки откладывались в сердце не тяжело, как в день гибели и войны. Но что-то, может быть, трудно определимое, но узнаваемое, сохранилось.

— До сих пор помню роли, которые играла в драмкружке. Иногда очень хочется, чтобы все повторилось: и Таллин, и школьная сцена...

Зачеркивается коротенькое школьное прошлое Соны Гурвич, мало чем похожее на прошлое Наташи Сайко. Но что-то очень роднит этих двух девушек. И в этом «что-то» непостижимое чудо искусства, ответ на Наташин вопрос: «Что я, а не Соня Гурвич, скажу сегодня зрителю?». В этом причина и сущность нашего волнения.

Спектакль в театре на Таганке — это всегда разворачиваю-

но прикасались девичьи тела) кружатся в ритме печального «осеннего вальса» военных лет. И эта картина дает ощущение невозможной утраты...

Юрий Петрович Любимов — режиссер яркой творческой индивидуальности. И она остро ощущается в его постановках: в своеобразии прочтения литературного произведения, в строгом подчинении замыслу и общего рисунка спектакля и

ОФЕЛИЯ ИЗ 19-й ШКОЛЫ

щийся образ. И в этом образе все взаимосвязанно, едино. На сцене оставлено лишь то, что должно запомниться, запечатлеться в сознании, ибо каждая деталь и конкретна и одновременно символична — ведет к пониманию общей идеи постановки.

Занавес в «Гамлете» становится символом истории, судьбы. Грузовик в «Зорях» (он разбирается и может изображать и болото, и лес) — деталь, за которой угадывается вся обстановка войны.

В сцене дуэли Лаэрт и Гамлет стоят на недосыгаемом друг от друга расстоянии, обнаруживая истинную сущность их борьбы — не физическую, но нравственную, духовную.

В финале спектакля «А зори здесь тихие» старшина после гибели девочек идет один по лесу и оголенные деревья-доски (к ним еще совсем недав-

всех его компонентов, включая актерскую игру.

Возможно, это и заставляет обращаться к главному режиссеру театра с одним и тем же вопросом: «Не сковывает ли подобная форма игру актеров, не подавляет ли актерскую индивидуальность?». И Любимов отвечает:

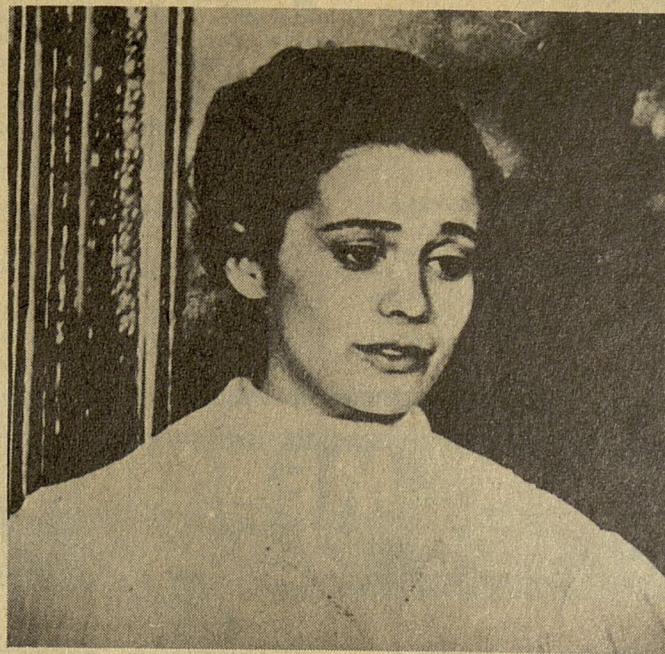
— Актер и режиссер — это две разные профессии. Как в музыке есть композитор и интерпретатор, так и в театре есть постановщик и исполнитель. И в этом нет по отношению к актеру ничего пренебрежительного. Есть посредственные, но есть и гениальные исполнители.

— Воплощать замысел вовсе не значит безоговорочно и слепо подчиняться. Каждая проба, репетиция под руководством Юрия Петровича превращается в творческий экзамен, где у тебя всегда есть возможность от-

стоять, доказать правильность своего понимания образа. Юрий Петрович не терпит словесных объяснений, сразу зовет на сцену, где надо во всей сложности, полноте игры раскрывать свое отношение к герою. Пробуешь, пробуешь, пробуешь — и вдруг вместе с режиссером находишь верное решение.

Единственное, и все-таки поддающееся каким-то изменениям. Как поддается изменениям день ото дня и весь спектакль в целом. И в этой возможности каждодневного открытия главная притягательная сила театра. Ведь кино оставляет раз и навсегда все таким, каким оно было в момент съемок (Наташа играла в фильмах «Деревенский детектив», «Взрыв замедленного действия», «Десять зим за одно лето», «Как закалялась сталь» и других).

Старое здание театра на Таганке реконструируется.

— Мне бы хотелось, — говорил Ю. П. Любимов, — чтобы одна из наружных стен театра была стеклянной. Пусть зритель ни на минуту не забывает о сегодняшнем дне...

И может быть, в этих словах открывается главный творческий принцип театра, режиссера, актеров — ни на минуту не забывать о сегодняшнем дне...

А в этот день легко входит прошлое, воспоминания, мечты. (Помните, Наташа говорила: «Иногда хочется, чтобы все повторилось, — и Таллин, и...»).

В ближайшее время театр на Таганке придет в Таллин. В его спектаклях мы увидим Наташу Сайко — девочку из драмкружка 19-й Таллинской средней школы, ставшую Офелией в «Гамлете», Натали Гончаровой в спектакле «Товарищ, верь!», Соней Гурвич в инсценировке «А зори здесь тихие», Эвой в «Часе пик».